

Георгий
Данелия

Тостуемый пьет
до дна

Классика жанра

Георгий Данелия
Тостуемый пьет до дна

«РИПОЛ Классик»

2005

УДК 821.161.1
ББК 84(2РОС=РУС)6-44

Данелия Г. Н.

Тостуемый пьет до дна / Г. Н. Данелия — «РИПОЛ Классик»,
2005 — (Классика жанра)

ISBN 978-5-386-15076-1

Георгий Данелия – известный во всем мире и культовый в советском и постсоветском пространстве режиссер и сценарист. В XXI веке Георгий Данелия написал несколько книг, ставших бестселлерами, и фактически создал жанр короткометражного рассказа. Во второй книге «Тостуемый пьет до дна» цикла из трех книг Георгий Данелия вспоминает о планах экранизировать «Хаджи-Мурата» и «Преступление и наказание», «Мертвые души» и «Мастера и Маргариту», о встречах в Болшеве и работе на «Мосфильме»... Без назидания, но с потрясающей мудростью, накопленной за годы жизни и работы в кинематографе, и удивительным чувством юмора, автор рассказывает о своей семье, времени, в котором ему довелось жить и работать, друзьях, коллегах. Не случайно друзья называли Георгия Данелия «умнейшим человеком своего времени». В общем, читайте, скучать не придется! В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1

ББК 84(2РОС=РУС)6-44

ISBN 978-5-386-15076-1

© Данелия Г. Н., 2005
© РИПОЛ Классик, 2005

Содержание

Краткий словарь	6
Люди уступают дорогу автобусу не из вежливости	7
Не горюй, генацвале!	12
Гибель Хаджи-Мурата	13
Абстрагамз	15
Федор, раздевай!	18
Расул	19
Чей-то папаша	20
Вторая встреча	21
ЦК – это ЦК, а Вова – это Вова	23
Чей-то папаша	24
Третья встреча	25
Ленин, а Ленин, на меня посмотри!	26
Хождение по мукам	28
Феноменале!	29
Ружье, которое выстрелило	30
Верное сердце Брамса	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Георгий Данелия

Гостуемый пьет до дна

- © Данелия Г. Н., наследники, 2023
© Киноконцерн «Мосфильм» (Кадры из фильмов), 2023
© Храмцов А. Ю., художественное оформление, иллюстрация, 2023
© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2023

* * *

Уважаемый читатель! Тем, кто не читал первую книжку, мой совет: и не читайте. Суть того, что там написано на 480 страницах, можно изложить коротко. Что я и делаю.

Родился я в Тбилиси. Через год меня привезли в Москву, где и живу по сей день. Отец работал в Метрострое, а мать на «Мосфильме». В детстве в Грузию ездил каждое лето, к своей тетушке, актрисе Верико Анджапаридзе. Когда я окончил среднюю школу, отец сказал, что надо отдать меня во ВГИК. На вопрос мамы – почему во ВГИК, ответил: «А куда его, дурака, еще девать?» Во ВГИК я не пошел. Я закончил Архитектурный, потом режиссерские курсы при «Мосфильме» и стал кинорежиссером. Вот и все.

Когда я начну писать третью серию, может быть, мне придет в голову, что и эту, вторую, можно было написать так же коротко. Но пока мне кажется, что читатель что-то потеряет, если не узнает, как мы с Андреем Петровым пели «Я шагаю по Москве», когда были в гостях у итальянских проституток в Риме; как по-черному запил грузин Вань Чень Лунь в Каннах; как я с мокрой задницей и зубами в кармане ехал на лимузине с советским флагом получать чужого «Оскара» и за что Николай Второй дал кинорежиссеру Сергею Эйзенштейну орден Ленина. Но, впрочем, можете и не читать, я не обижусь, даже если узнаю об этом.

Признание. Первую книжку мне помогала написать Татьяна Кравченко. (Писательница.) Эту – Елена Машкова. (Кинорежиссер.) И за это я им очень благодарен.

Мне семьдесят пять лет. Душа моя лежит предо мной. Она уже износилась на сгибах. Сгибали душу смерти друзей. Война. Споры. Ошибки. Обиды. Кино. И старость, которая все-таки пришла.

Виктор Шкловский

Краткий словарь

СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

КГБ – Комитет государственной безопасности.

Генеральный секретарь ЦК КПСС – Президент страны.

Члены политбюро ЦК КПСС – вторые лица в государстве.

Кандидаты в члены политбюро – третьи лица в государстве.

Первый секретарь ЦК республики – Президент республики.

Первый секретарь обкома – губернатор.

Первый секретарь горкома – мэр.

Районо – районный отдел образования.

ЦК КПСС (Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза) – администрация Президента.

Госкино (Государственный комитет по делам кинематографии) – начальство.

ГДР – Германская Демократическая Республика. (Друг.)

ФРГ – Федеративная Республика Германия. (Враг.)

Абстракционист – нехороший человек.

Берия – японский шпион.

Люди уступают дорогу автобусу не из вежливости

Я подумал и решил снимать «Мертвые души» Гоголя.

В Госкино мне сказали:

– Не надо.

Я спросил:

– Почему?

Мне ответили:

– Потому.

Я подумал и решил снимать «Козлотура» Фазиля Искандера.

В Госкино мне сказали:

– Не надо.

Я спросил:

– Почему?

Мне ответили:

– Потому.

Болшево. Прогулка

Болшево. Беседа

Болшево. Знакомая

Я подумал и решил снимать «Зима тревоги нашей» Стейнбека.
В Госкино мне сказали:
– Не надо.
Я спросил:

– Почему?

Мне ответили:

– Потому.

Я еще подумал и решил снимать «Преступление и наказание» Достоевского. Спрашивать никого не стал. В 63-м году я уже принимался за Достоевского.

Тогда мне сказали:

– Напиши. Там посмотрим.

Я собрал материалы и поехал в Дом творчества кинематографистов «Болшево». Приехал. Сел за стол – стук в дверь. Пришел Лева Кулиджанов и попросил одолжить бумаги. Я сказал, не могу, мне самому не хватает. (В те времена в стране на бумагу был дефицит, и перед отъездом в Болшево я выклянчил у Сергея Бондарчука четверть пачки.) Лева сказал, что послезавтра начнется Съезд депутатов, и он привезет мне целую пачку бумаги.

(Первый секретарь Союза кинематографистов режиссер Лев Александрович Кулиджанов был депутатом Верховного Совета СССР.) Во время съездов для депутатов в гостинице «Россия» работал магазин, куда меня брал с собой Бондарчук. Чего там только не было! И болгарские дубленки (по записи), и люстры из чешского стекла, и югославская ветчина в банках, и писчая бумага. Финская! (Две пачки в одни руки.)

Бумагу Кулиджанову я дал, и тут меня кто-то дернул спросить, как он думает, сможет ли сыграть Инна Гулая Сою Мармеладову? (Актриса Инна Гулая снялась у Кулиджанова в главной роли в фильме «Когда деревья были большими».)

– А тебе зачем? – насторожился он.

Узнав, что я собираюсь снимать «Преступление», Кулиджанов очень огорчился: это его любимый роман, и он всю жизнь мечтал его экранизировать!

А я сказал, что моя любимая повесть «Хаджи-Мурат» Толстого, и я тоже всю жизнь мечтал ее экранизировать, но мне сказали, чтобы я это выкинул из головы, потому что «Хаджи-Мурата» будет снимать сам Лев Александрович Кулиджанов!

Лева повздыхал, повздыхал и предложил:

– Давай так. Ты отдаешь мне «Преступление и наказание», а я уступаю тебе «Хаджи-Мурата».

Кулиджанов фильм «Преступление и наказание» снял. А я...

Не горюй, генацвале!

Покупал сигареты в ларьке на Покровке. На той стороне улицы затормозил «Мерседес». В окошко выглянул поэт Евгений Евтушенко и крикнул:

– Не горюй, генацвале!

– Посмотрел фильм? – спросил я.

Ев тушенко считался выдающимся поэтом, и мнение его мне было небезразлично.

– Пора тебе снять что-нибудь серьезное, – сказал Женя и уехал.

Сообщить ему, что я решил взяться за ум и снять глубокое кино, я не успел.

Гибель Хаджи-Мурата

– Нам нужен большой павильон, а производственный отдел не дает! – пожаловался я директору «Мосфильма» Владимиру Николаевичу Сурину.

– По какой картине?

– По «Хаджи-Мурату».

– Тебе что, не сказали?

– О чем?

– Вас закрыли!

– Когда?!

– Уже месяц почти. Извини!

– Кто закрыл?

Владимир Николаевич устало посмотрел на меня, развел руками и поднял глаза к потолку. Я тоже посмотрел на потолок. После недавнего ремонта потолок в кабинете директора был свежавыкрашен.

За полгода до этого разговора Расул Гамзатов, Владимир Огнев и я написали сценарий. Его приняли без замечаний, и к моменту этой беседы с Суриным мы уже выбрали натуру, утвердили актеров, сделали эскизы декораций и костюмов и готовились к сдаче постановочного проекта. Но тут выяснилось, что производственный отдел не дает нам большой павильон для декорации «Бальный зал во дворце Воронцова». И я пошел жаловаться Сурину.

И вот с ижу у него в кабинете и смотрю на свежавыкрашенный потолок...

Хаджи-Мурат

Между прочим. Две тайны связаны у меня с тем несостоявшимся фильмом. Первая: кто и почему нас закрыл? (Это не смог выяснить даже Расул Гамзатов.) И вторая: а был ли на самом деле Абстрагамз?

Абстрагамз

Прежде чем написать режиссерский сценарий, мы с Вадимом Юсовым, художником Ипполитом Новодережкиным и с Омаром-Гаджи Шахтамановым (дагестанским поэтом, другом Расула Гамзатова) месяц ездили на газике по горам. Побывали в самых отдаленных аулах – если не могли попасть туда на машине, добирались на лошадях. Не буду описывать красоты Кавказа и гостеприимство горцев, об этом много и хорошо написано классиками. Упомяну о том, чего точно не было ни у Пушкина, ни у Баратынского, ни у Лермонтова, ни у Толстого.

Как-то ехали в отдаленный аул по узкой извилистой грунтовой дороге. Ехать страшновато: справа – скала, слева – многокилометровая пропасть, а где-то далеко внизу парит орел. Когда в очередной раз свернули, перед нами неожиданно возник яркий плакат на бетонном столбе. На плакате: блондинка в розовой комбинации сидит на кровати, глаза от ужаса вытаращены, рот открыт, руки протянуты, – она взывает о помощи! Внизу под ней – алые языки пламени, наверху, над головой, крупными красными буквами написано: «НЕ КУРИ В ПОСТЕЛИ!» В Дагестане есть обычай – на месте аварии, если поблизости нет дерева, привязывать ленточку к шесту. Около плаката таких шестов было немало.

– Какой идиот додумался поставить здесь это полотно?! – удивились мы.

– Абстрагамз, – угрюмо сказал наш водитель и посмотрел на Омара-Гаджи.

– Опять! – вздохнул Омар-Гаджи.

– Хорошо, если не Абстрагамз, тогда кто?! Кому бы разрешили здесь голую бабу нарисовать?

– Этого я не знаю, – развел руками Омар-Гаджи. И рассказал.

Когда в 1962 году на выставке в «Манеже» Хрущев поругался с молодыми художниками, партия приказала всем обкомам (областным комитетам коммунистической партии) выявить у себя абстракционистов, заклеить позором и выгнать из Союза художников. А Дагестанский обком, к ужасу своему, обнаружил, что ни одного абстракциониста на территории Дагестана нет. Тогда они обратились к народному поэту Расулу Гамзатову с просьбой привезти из Москвы настоящего абстракциониста. Пообещали, что дадут ему квартиру и гарантируют, что на хлеб с маслом он заработает. Но за это они абстракциониста всенародно осудят и немножко заклеят. Расул пришел в восторг от такого поручения и всем о нем рассказывал. Прошло время, все уже забыли об этом. Но когда в прошлом году на дорогах начали появляться эти плакаты, горцы решили, что картинку рисует тот самый абстракционист из Москвы. И назвали его – Абстрагамзом. (Абстракционист Гамзатова.)

– Горцы идеалисты! Думают, пообещаешь нищему художнику квартиру, он все бросит и сразу придет! – сказал Расул, когда мы вернулись в Махачкалу. – Ни один, даже самый немодный, не согласился к нам приехать. Сказали, что будут бороться за свободу здесь, на переднем крае – в Москве! Или – в Соединенных Штатах Америки! А плакаты эти, только между нами, плод подростковых комплексов сына жены начальника нашего АВТОДОРА. Жена у него эстонка, а эстонки считают, что, когда дети рисуют, они меньше пьют.

Через какое-то время случай свел меня и с самим начальником автомобильных дорог, маленьким лысым даргинцем с грустными глазами. Я похвалил плакат «Не кури в постели», который нарисовал сын его жены.

– Это вам Расул рассказал? – спросил он.

– Да.

– Расул Гамзатович поэт – он в облаках витает. Майга не живописью отвлекает своего сына, а музыкой. Мы купили ему барабанную установку, полный комплект – и теперь он лупит по барабанам и днем и ночью, соседи уже три раза милицию вызывали. А когда мы его про-

сим ночью не барабанить, он говорит: «Вы хотите, чтобы я опять много водка стал пить?» – тоненьким голосом передразнил он пасынка. Достал платок, высморкался и сказал:
– А плакаты эти рисует Абстрагамз, каждый пастух знает!

Мы с художницей Лидой Нови

Григорий Чухрай, Владимир Александрович Познер, Расул Гамзатов и я

Федор, раздевай!

Думаю, что должен упомянуть и о некоторых привилегиях, которые принесла мне дружба с народным поэтом.

Как-то, в самом начале работы, мы с Гамзатовым и Огневым приехали на моем «Москвиче» в Дом литераторов пообедать. Пока я запирал машину и снимал щетки, чтобы их не украли, Расул и Володя прошли в ресторан. Меня на входе остановила вахтерша:

– Ваше удостоверение. (В Дом литераторов пускали только по членским билетам Союза писателей, а у меня такого не было.)

– Я шофер Расула Гамзатова, – сообразил я и показал ей щетки.

– Проходите.

Лет через десять, когда приехала итальянская делегация – Софи Лорен, Марчелло Мастроянни, Луиджи Де Лаурентис, – я пригласил их на ужин в ресторан Дома литераторов.

За эти годы я стал узнаваемой личностью: меня несколько раз показывали по телевизору в «Кинопанораме», фотографии мелькали в журнале «Советский экран». И теперь в Доме литераторов меня встречали тепло и сердечно.

Когда мы все вошли в вестибюль, я сказал вахтерше:

– Это итальянские гости. Они со мной.

– Пожалуйста, пожалуйста, очень рады вас видеть! – поприветствовала меня вахтерша.

Я повел гостей к гардеробу. За спиной слышу мужской голос:

– Ты чего это пускаешь кого попало? Почему членские билеты не спрашиваешь?!

Я обернулся. К вахтерше подошел важный мужчина. (Как выяснилось потом, администратор Дома литераторов.)

– Это не кто попал о, это гости вот этого товарища, – вахтерша показала на меня.

– Гражданин, я извиняюсь, вы член Союза писателей? – спросил меня администратор.

– Нет.

– Федор, не раздевай! – дал он команду гардеробщику. – Сожалею, но у нас только для членов Союза писателей.

Но тут вахтерша поспешно громким шепотом сообщила:

– Это – шофер Расула Гамзатовича!

– Что ж ты сразу не сказала?! Здравствуй, дорогой! – администратор крепко пожал мне руку. – Федор, раздевай!

Расул

Даже те, кому осталось, может,
Пять минут глядеть на белый свет,
Суеются, лезут вон из кожи,
Словно жить еще им сотни лет.
А вдали в молчанье стовековом
Горы, глядя на шумливый люд,
Замерли, печальны и суровы,
Словно жить всего им пять минут.

В шестидесятых годах народного поэта Дагестана Расула Гамзатова избрали (назначили) членом Президиума Верховного Совета СССР (высший орган законодательной власти). Расул впервые явился на заседание этого Президиума и занял свое место за длинным столом. Вокруг стола ходили хорошенькие девушки в белых кофточках с бантиками и деликатно спрашивали у членов Президиума: «Не хотели бы вы послать телеграмму?» Расул сказал, что хочет. Взял у девушки гербовый бланк, на котором сверху, красным по белому, написано: «Правительственная телеграмма», что-то написал, отдал бланк девушке и сказал:

– «Молнию», пожалуйста!

Девушка быстро, почти бегом, направилась к выходу из зала заседаний.

– Девушка! Одну секундочку! – остановил ее Председатель Президиума Анастас Иванович Микоян. – Расул Гамзатович, я думаю, товарищам интересно, кому наш любимый поэт в этот памятный день отправляет телеграмму и что он написал? Если это не секрет, конечно.

– Не секрет. Пусть девушка прочитает.

Девушка посмотрела в телеграмму и покраснела.

– Дайте мне, – сказал Микоян.

Девушка принесла ему бланк с телеграммой, и Анастас Иванович прочитал: «Дорогая Фатимат! Сижу в президиуме, а счастья нет. Расул» (Фатимат – жена Расула).

Это ему простили. Обиделись немножко, но простили.

... На одном из заседаний после голосования Микоян сказал:

– Товарищи, Министерство здравоохранения рекомендует через каждый час делать пяти-минутную производственную гимнастику. Думаю, и нам стоит последовать этому совету. Не возражаете?

– Возражаем, – сказал Расул.

– Почему? – насторожился Микоян.

– Я целый час руку поднимаю – опускаю, поднимаю – опускаю. Разве это не гимнастика?

И это ему простили!

Но когда на правительственном банкете в Кремле по случаю юбилея Октябрьской революции Расул поднял тост «За дагестанский народ, предпоследний среди равных», а на вопрос «Как это могут быть среди равных предпоследние?» ответил: «Последние у нас – евреи», это ему уже простить не смогли! На него так обиделись, что даже исключили из членов Президиума. Но через какое-то время вернули – видимо, поняли, что без Расула Гамзатова на Президиуме очень скучно.

Многое из сказанного Гамзатовым стало афоризмами. Упомяну только последний:

«Дагестанцы, берегите эти бесплодные голые скалы, кроме них у вас ничего нет!»

Чей-то папаша

Встреча первая

Летом в 1963 году в Дом приемов Правительства СССР – здание, что находится за высоким желтым забором на Воробьевых горах напротив «Мосфильма» – пригласили нескольких кинорежиссеров (человек пятнадцать – двадцать), в их число попал и я.

У Гены Шпаликова есть стихи, которые мы часто пели под гитару:

Мы поехали за город,
А за городом дожди,
А за городом заборы,
За заборами вожди.
Там трава не мятая,
Дышится легко,
Там конфеты мятные,
Птичье молоко.

Забор был, трава была, дышалось легко, а вот вождей и конфет «Птичье молоко» не было. То есть, может быть, они где-то и были, но нам их никто не показал. Зато были клумбы, беседки и фонтан.

Охрана меня, к моему великому удивлению, пропустила, не заглянув в документы:

– Проходите, товарищ Данелия.

У фонтана, перед желтым зданием с колоннами, уже стояли человек шесть «наших» и гадали: «Что будет? Зачем позвали?»

Я огляделся. Возле беседки скромно стоял пожилой грузин в плаще и шляпе, с очень знакомым лицом. Когда мы встретились глазами, он мне кивнул, я кивнул в ответ. «Это отец кого-то из моих тбилисских приятелей», – подумал я. Подошел к нему, поздоровался за руку и спросил, когда он приехал? Он сказал, что сегодня. Я спросил, где он остановился? Он сказал, что прямо из аэропорта – сюда. Я сказал, что если будут проблемы с гостиницей, могу помочь – у «Мосфильма» есть связи. (Попасть в гостиницу в Москве без связей или без взятки тогда было невозможно.) Он поблагодарил и сказал, что сегодня прямо отсюда улетает. Я сказал, что могу подвезти его в аэропорт, если надо. Тут, напротив, во дворе «Мосфильма», у меня машина. (У меня тогда был «Москвич» морковного цвета, которым я очень гордился.) Он поблагодарил и сказал, что машина у него будет. Тут к нам подошел плечистый молодой человек в серой тройке и обратился к моему собеседнику:

– Василий Павлович, вас просят.

Чей-то папаша извинился и ушел.

И тут до меня дошло: Василий Павлович? Да это же Мжаванадзе! «Дубина! как же я сразу не сообразил?! Ну конечно, знакомое лицо, я его тысячи раз на портретах видел!»

Раньше портреты членов Политбюро (и кандидатов в члены) вывешивались повсюду. А портрет «чьего-то папаша», первого секретаря ЦК Грузии, кандидата в члены Политбюро Мжаванадзе, висел даже в кабинке у крановщицы в мурманском порту, когда мы там снимали «Путь к причалу». Правда, когда я спросил ее: «Кто это?», она сказала: «Кажись, Микоян».

Потом нас пригласили на просмотр фильма, и я общался с самим Никитой Сергеевичем Хрущевым, но об этом я напишу ниже.

Вторая встреча

Прошло время.

– Мжаванадзе твой «Не горюй!» видел? – спросил меня директор «Мосфильма» Сурин, когда я его случайно встретил во дворе студии.

– Думаю, что нет.

– А можешь ему показать? Ходы есть?

– Вроде бы есть.

– Бери картину, лети к нему. Если ему фильм понравится, пусть он сообщит об этом нашему министру.

Накануне Сурин показывал фильм министру, и тому «Не горюй!» активно не понравился.

– Какая же это комедия, когда там все подряд умирают?! – возмутился он.

– Это не чистая комедия, это трагикомедия, – попробовал объяснить Сурин.

– А тогда почему в начале фильма этот Кикабидзе едет на осле и у него ноги по земле волочатся? – спросил министр.

Этого объяснить Сурин не смог. И мне пришлось лететь в Тбилиси.

В Тбилиси мы с Резо Габриадзе показали фильм Дэви Стуруа, секретарю ЦК по идеологии, – Дэви был младшим братом моего приятеля, журналиста Мэлора Стуруа.

Стуруа-младшему фильм понравился, и он сказал, что завтра, после заседания бюро, вместо обещанной французской комедии он покажет Мжаванадзе и членам бюро наш фильм. (О том, что министр наш фильм забраковал, мы Дэви не сказали: для него это было бы «мнение Москвы».)

Назавтра к шести, как было назначено, мы с Резо явились в ЦК. Заседание все не кончилось, и мы с Резо часа три околачивались возле зала и строили предположения, что может им не понравиться. В итоге у нас получилось, что им может не понравиться все.

Мжаванадзе и другие члены бюро появились где-то около девяти. Впереди шли Дэви и русский генерал-полковник (очевидно, командующий Закавказским военным округом), потом Мжаванадзе и второй секретарь (русский), а за ними тянулись человек восемь усталых грузин весьма почтенного возраста. Дэви представил Мжаванадзе Резо и меня. Василий Павлович поздоровался с нами за руку, а мне сказал:

– Мы же с вами знакомы, Георгий, помните?

Я ответил, что, конечно, помню, и предложил перенести просмотр на завтра, потому что они, очевидно, устали после такого долгого заседания.

– Не надо ничего переносить, фильм веселый, смотрится легко, – сказал Дэви.

– Но это не чистая комедия, – предупредил я, – это трагикомедия.

– Это как? Сначала трагедия, а потом комедия? – спросил Василий Павлович.

– Нет, у них наоборот – сначала весело, а потом грустно, – объяснил Дэви. – Но общее впечатление светлое.

И мы начали смотреть картину. Самым активным зрителем оказался генерал. Когда на экране запели песню: «Однажды русский генерал вдоль по Кавказу проезжал, и грузинскую он песню по-менгрельски напевал...», генерал, который сидел в первом ряду, обернулся, взглянул на нас с Резо и сказал: «Ну-ну...»

«Не надо было эту песню петь», – подумал я.

– Напрасно мы эту песню взяли, – шепнул мне на ухо Резо.

Когда на экране появился парикмахер, которого играл Филиппов, генерал спросил:

– Это актер Сергей Филиппов?

– Да, – ответил я.

– Он у вас грузина играет?

– Да.

– Ну-ну.

«Надо было на эту роль грузинского актера взять», – подумал я.

– Не надо было Филиппова брать, – прошептал мне на ухо Резо.

Когда появилась Настя Вертинская, которая играла Мери, русский генерал снова спросил:

– У вас и Анастасия Вертинская грузинку играет?

– У Анастасии Александровны мама грузинка, товарищ генерал, – сказал Дэви.

– Ну-ну, – повторил генерал.

Мжаванадзе во время просмотра молчал, только один раз, когда убили офицера – жениха Мери, он повернулся ко мне (Дэви посадил нас с Резо прямо за Мжаванадзе) и спросил:

– А теперь будет трагедия?

– Да, еще двое умрут, Василий Павлович, – виновато ответил я и подумал: «Действительно, для веселой картины смертей у нас многовато».

Когда на экране, во время тризны, Серго Закариадзе сказал: «Я хочу при жизни знать, что будут говорить обо мне после смерти», – генерал хохотнул, кто-то сзади грустно протянул: «Да-а-а». А Мжаванадзе вздохнул.

«Сталина вспомнили», – подумал я.

– Про Сталина думают, – прошептал Резо.

Фильм закончился, зажегся свет. Все оставались на своих местах и молчали.

– Какие будут мнения? – наконец спросил Мжаванадзе.

– По-моему, неплохой фильм, – твердо сказал Дэви, глядя в упор на генерала.

– Не согласен, – категорически заявил генерал. – Фильм не неплохой, а хороший! И актеры подобраны замечательные, товарищ Стуруа!

Дэви успокоился.

– Я совершенно с вами согласен, товарищ генерал!

– То-то же! – последнее слово генерал оставил за собой.

– Ну, что ж, мне кажется, можно поздравить наших гостей с удачной работой, – сказал Мжаванадзе, глядя на второго секретаря.

Тот кивнул. (Второй секретарь во всех республиках Советского Союза был обязательно русский.)

Мжаванадзе встал и пожал нам с Резо руки. И второй секретарь пожал нам руки. И генерал пожал нам руки. А старичок, который сидел рядом со мной и проспал весь фильм на моем плече, поднялся и закричал:

– Дорогие мои, если бы вы знали, как я вами горжусь! – и горячо поцеловал меня. – Молодцы! – он горячо поцеловал Резо. – Дорогой вы наш! – Он хотел было поцеловать и генерала, но тот быстро отклонился, технично увернулся, чувствовалось, что генерал занимается боксом.

Потом Дэви отвел нас в свой кабинет и угостил коньяком. Я поблагодарил его за устроенный просмотр и сказал, что было бы неплохо, если бы они дали от имени Мжаванадзе телеграмму нашему министру и поздравили его с хорошим фильмом. Министру будет приятно. Дэви сказал, что у них нет практики – давать телеграммы, но они найдут способ, как сообщить нашему министру о мнении Василия Павловича.

ЦК – это ЦК, а Вова – это Вова

На следующий день мне надо было срочно вылетать в Москву. (Приемные экзамены на Режиссерских курсах.) В авиакассе мне сказали, что на сегодня билетов нет. Я показывал свое мосфильмовское удостоверение, говорил, что очень надо, врал, что срываются какие-то важные съемки, мне сочувствовали, но разводили руками – ничем не можем помочь, билетов нет.

Тогда я пошел к своей тетушке – Верико Анджапаридзе. Верико сразу же позвонила министру грузинской авиации. Министр авиации сказал, что для племянника самой великой актрисы в мире у него всегда билеты есть. Минут через пятнадцать он перезвонил, извинился и сказал, что сегодня, оказывается, особый день и билетов нет. Билеты есть на завтра, на любой рейс.

Тогда я позвонил в ЦК, Дэви Стурау.

Дэви сказал, что билет – не проблема. Я ему сообщил, что Верико говорила с министром, и тот сказал, что сегодня какой-то особый день и билетов нет.

– Ну, министр – это министр, а ЦК – это ЦК.

Через десять минут и Дэви сказал, что билетов на сегодня действительно нет. Особый день.

И я пошел в гостиницу.

По дороге зашел в «Воды Лагидзе» выпить вкусной газировки, которую очень люблю, там встретил Вову Мартынова. Вова Мартынов – тбилисский «свой парень», то есть человек, которого знали все и который знал всех. Он спросил по-грузински:

– Что ты такой грустный?

Русский Вова говорил со мной только на грузинском, считал, что мне нужна практика. Я ему сказал о проблеме с билетом.

– Э! Я думал, у тебя действительно что-то случилось! Пойдем и возьмем билет!

– Билетов на сегодня нет.

– Для нас, Гия, билеты у них есть! Пошли!

Народу в кассе было очень много, к окошку не подойти. Вова, высокий и широкоплечий, снял кепку, вытянул руку с кепкой вверх, приподнялся еще на цыпочках и крикнул на весь зал:

– Нана, это я, Вова! Посмотри сюда! Кепку мою видишь?!

– Вижу твою кепку, Вова! Что хочешь?

В Тбилиси было две джинсовых кепки, одна у Вовы, вторая – у знаменитого футболиста, форварда сборной СССР, Давида Кипиани.

– Один билет в Москву на час пятнадцать! – крикнул Вова.

– Паспорт давай!

Вова взял у меня паспорт и попросил передать его в кассу.

– Подожди! А деньги? Деньги возьми! – сказал я.

– Деньги я ей отдам, не волнуйся, – сказал Вова. (У меня он денег не взял, когда я начал настаивать, он сочувственно посмотрел на меня и сказал, что я совсем обрусел.)

На самолет я успел. Летел и думал:

«Министр – это министр, ЦК – это ЦК, а Вова – это Вова!»

Чей-то папаша

Продолжение

Через неделю мне позвонил Сурин и спросил:

– А ты убежден, что твое кино Мжаванадзе понравилось?

– Да.

– А почему тогда не сообщают? Вчера на встрече с прокатчиками министр опять проехался по «Мосфильму». Сказал, что сняли такое безобразие, как «Не горюй!».

– Может, они сообщили, а министр не боится Мжаванадзе?

– Кандидата в члены Политбюро – не боится?! Он что, Александр Матросов?! (Легендарный герой Великой Отечественной войны.)

Еще прошла неделя, и мне опять кто-то сказал, что министр снова ругал картину. Я понял, или министр – Александр Матросов, который ничего не боится, или Дэви – Павлик Морозов, который смело предает родных и друзей.

А 25 августа (я точно помню дату, потому что это день моего рождения) министр картину похвалил. Случилось это так.

Кабинеты министра и его заместителя Баскакова были друг напротив друга, с общей приемной. Народа в этой приемной всегда было полно. Но все к заместителю Баскакову – к министру никто не ходил, потому что он никогда ничего не решал. В тот день в приемной сидели: директор кинотеатров, ректор ВГИКа и мультипликаторы во главе с Котеночкиным (режиссером знаменитого мультфильма «Ну, погоди!») – все к Баскакову.

Вдруг дверь кабинета министра распахнулась, вышел министр, оглядел присутствующих и сказал твердо:

– Фильм «Не горюй!» – хороший и нужный фильм! И хватит об этом!

Котеночкин тут же позвонил мне и сообщил, что министр картину хвалит. При мерно через час позвонил Сурин и сообщил, что фильму «Не горюй!» присвоили первую категорию. А ближе к вечеру позвонили из иностранного отдела Госкино и сказали, что фильм посылают на фестиваль в Аргентину, в Мардель-Плата.

Спасибо за подарок ко дню рождения!

Третья встреча

Последняя

В 78-м году раздался звонок:

– Георгий, здравствуй, это Василий Павлович беспокоит. – Здравствуйте, Василий Павлович!

– Георгий, ты меня совсем забыл, я уже год в Москве, а ты ни разу не позвонил!

– Василий Павлович, извините, но у меня нет вашего телефона.

Мжаванадзе я вообще никогда не звонил и видел его всего три раза – два раза в Доме приемов на Воробьевых горах и один – в Тбилиси, когда показывал «Не горюй!».

Мжаванадзе сказал, что слышал, что я снял фильм про Грузию, и спросил, не смогу ли я его показать. Я предложил посмотреть фильм послезавтра, в среду днем, на «Мосфильме».

Чтобы получить на «Мосфильме» просмотровый зал, нужно было разрешение директора студии. Я пошел к директору (директором «Мосфильма» уже был Николай Трофимович Сизов). Сизов разрешение подписал и спросил, кому я буду показывать фильм. Я сказал – Мжаванадзе. Сизов возмутился:

– Ты еще Подгорного позови! Давай бумагу назад, я отменяю зал!

(Мжаванадзе «за неполное соответствие» отправили на пенсию уже почти два года назад, а Председателя Верховного совета СССР Подгорного – совсем недавно, на прошлой неделе.)

Я сообразил, что зря упомянул Мжаванадзе, и соврал, что зал просил Вахтанг Кикабидзе, чтобы показать фильм Алле Пугачевой и Иосифу Кобзону. А про Мжаванадзе я оговорился, перепутал с Кикабидзе.

– Вот так и напиши, что просишь зал для показа артистам, – сказал Николай Трофимович.

Мжаванадзе приехал на «Мосфильм» с женой. Фильм посмотрел, похвалил, поблагодарил, и они уехали. А я расстроился.

На тот просмотр я пригласил еще человек двадцать знакомых, которых не смог пригласить в Дом кино (не хватило билетов). Были и грузины. Я не надеялся, что мои гости, увидев Мжаванадзе, будут прыгать от радости, но думал, что они отнесутся к нему с уважением. Ничего подобного! Когда он пришел, некоторые сухо кивнули, а остальные вообще сделали вид, что его не заметили. Старика даже в дверь первым не пропустили.

Мне было стыдно.

Ленин, а Ленин, на меня посмотри!

Когда Сталин умер, его положили рядом с Лениным, а на гранитной плите над входом в Мавзолей написали: «Ленин – Сталин». А потом подумали-подумали и решили Сталина оттуда убрать.

В 1956 году в Тбилиси, в садике на набережной, возле памятника Сталину собрался по этому поводу митинг. Ораторы говорили, что Сталина надо оставить в Мавзолее, он такой же хороший, как Ленин (Ленин стал таким плохим, как Сталин, намного позже).

В тот же день Мжаванадзе позвонил Хрущев и предупредил, что если он – Мжаванадзе – немедленно не наведет порядок, то он – Хрущев – депортирует всех грузин в Казахстан, куда Сталин депортировал чеченцев.

Министр МВД Грузии предложил разогнать митингующих водометами, но Мжаванадзе не согласился: там пожилые люди, дети – простудятся. «Два-три дня поговорят-поговорят и разойдутся по домам». Василий Павлович, боевой генерал и лихой вояка, в жизни был человеком мягким. Но министр внутренних дел Грузии подчинялся всесоюзному министру и все-таки применил водометы. Но, чтобы не обидеть своего первого секретаря ЦК, не на большом митинге – у памятника Сталину, а на малом – в сквере у оперного театра. Но, когда вода в пожарных машинах кончилась, митингующие снова вернулись в садик.

Утром на второй день (митинг продолжался три дня) к памятнику подъехал грузовик, в кузове которого, обнявшись, стояли Сталин и Ленин – драматический театр города Гори командировал на митинг актеров в костюмах и гриме вождей пролетариата.

Распорядитель митинга объявил в микрофон: единомышленники из Гори прислали Ленина и Сталина, чтобы все видели – Ленин и Сталин любили друг друга! И Ленин считал Сталина верным ленинцем!

– Пусть Ленин пожмет руку Сталину! – крикнули из толпы.

И Ленин пожал руку Сталину.

– Пусть поцелует! – попросили из толпы.

И Ленин поцеловал Сталина.

– И Сталин тоже пусть поцелует Ленина! – потребовали из толпы.

И Сталин поцеловал Ленина.

– Пока не разденутся и не лягут, у них ничего не получится! – крикнул кто-то.

Все засмеялись.

– Прошу цирк не устраивать! – распорядитель митинга сердито постучал по микрофону. – Мы здесь важные вопросы решаем!

Слово предоставили поэту, который прочитал свои стихи о Сталине.

Ленин и Сталин простояли в кузове грузовика весь день. Ленин время от времени выкидывал вперед правую руку (как это делал актер Щукин в фильме «Ленин в Октябре») и выкрикивал: «Да здравствуют Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин!» А Сталин посасывал трубку и медленно, по-сталински, расхаживал по грузовику – два шага туда, два обратно (как это делал актер Геловани в фильме «Падение Берлина»). Изредка Сталин слезал с кузова, прятался за грузовик и, жадно затягиваясь, выкуривал сигарету «Дукат». (Трубкой он затягиваться не умел: кашлял.)

На следующий день митинг продолжился. Сталин и Ленин с утра снова стояли на боевом посту. К митингующим тбилисцам присоединились приехавшие из других городов «сталинисты». Однорукий старенький полковник из Краснодара сказал, что написал речь, но не будет ее читать, просто задаст пару вопросов Владимиру Ильичу:

– Ленин, а Ленин! Сюда смотри! Вот скажи народу, кто для тебя Мавзолей построил?! Кто?!

– Сталин? – неуверенно спросил Ленин.

– А кто все твои заветы выполнил? Кто, Пушкин?

– Зачем Пушкин?! Товарищ Сталин, Иосиф Виссарионович все выполнил, – сказал Ленин с грузинским акцентом.

– А теперь, когда его из Мавзолея выносят, почему ты молчишь?!

– Я? – растерялся Ленин.

– Ты на меня смотри, чего глазами бегаешь! Отвечай народу, почему?!

– Потому что он умер! – выручил Ленина Сталин.

– Правильный ответ! В этом все дело! Ленина нет, Сталина нет, и этим воспользовались ревизионисты и антимарксисты! Я предлагаю написать заявление и послать его в Китай товарищу Мао Цзэдуну...

– Товарищ полковник, – остановил его осторожный распорядитель, – не отклоняйтесь от темы.

В середине дня Сталин посмотрел на часы, кряхтя, слез с грузовика (ему было за семьдесят), подошел к распорядителю и сказал ему что-то на ухо.

– Товарищи, – обратился распорядитель к народу, – Сталин просит, чтобы мы его отпустили, у него вечером спектакль. Отпускаем?

– Нет! Не отпускаем!

Тогда Сталин взял микр офон и взмолился:

– Товарищи, у меня замены нет: спектакль сорвется! Разрешите отлучиться! Очень прошу!

– А Ленин?

– Ленин остается, Ленин будет с вами, – сказал Сталин. – Робик, скажи им! – обратился он к Ленину.

– Ребята, – закричал Ленин. – У меня на этой неделе спектаклей нет! Я все время буду здесь с вами стоять! Сколько скажете – столько и буду!

– Поклянись! – потребовали из толпы.

– Клянусь мамой! – закричал Ленин.

Кончилось все трагично. По приказу из центра в город вошли войска МВД. Были убитые.

Хождение по мукам

Я решил снимать «Гекльберри Финна» Марка Твена.

В Госкино сказали:

– Валяй.

И мы с Викторией Токаревой сели писать сценарий. Но тут позвонил Калатозов и предложил быть сценаристом в совместном советско-итальянском фильме. Сценарист с итальянской стороны – отец итальянского неореализма Чезаре Дзаваттини, в главной роли – звезда мировой величины Альберто Сорди, продюсер – киномагнат Дино Де Лаурентис, режиссер – он, Калатозов.

Сорди хотел сыграть простого рабочего. Лаурентис просил, чтобы в фильме было обязательно путешествие на корабле по Волге. Калатозову же хотелось, чтобы в фильме был пожар. И это все, что он на данный момент может сообщить.

Я сказал, что это предложение – большая честь для меня, но принять его я не могу: осенью должен запуститься с «Гекльберри Финном».

Калатозов сказал, что съемки планируются этим летом, поэтому сценарий должен быть готов к июню. И у меня останется еще уйма времени на «Гекльберри». Подумайте и позвоните.

– И думать нечего, – сказала Вика. – Никуда твой Гекльберри не денется!

Феноменале!

Дзаваттини не прилетел ни через две недели, ни в мае, ни в июле. Прилетел он только в середине августа. Поехать по Волге на пароходе нам не удалось, потому что в Астрахани случилась холера, и был объявлен карантин.

Классика неореализма поселили в гостинице «Советская», и каждое утро я и два переводчика – Володя Варганов и Валера Серовский – ездили к нему работать. Я рассказывал сюжеты, которые придумал, пока его ждал, а он говорил, что ему трудно судить, потому что он Россию видел мало.

Обычно мы с Валерой приезжали пораньше и внизу, в ресторане, угощали классика завтраком. Однажды за соседним столиком завтракали две женщины, судя по внешнему виду – руководящие работники из провинции: высокие прически, строгие кофточки, значки на лацканах темных пиджаков. Перед ними на столе лежали бумаги и стояли тарелки с едой – они ели и одновременно работали. А еще стояли два фужера и бутылка водки. Дамы наполняли фужеры и выпивали. Не чокаясь, не морщась и не закусывая.

– Водка?! – удивился Дзаваттини.

– Вода, – солгал я.

Но тут бутылка кончилась, дамы подо звали официанта, он принес еще бутылку – это уже была точно водка. Дамы так же, не чокаясь, ее выпили, расплатились, встали и ушли. Они даже не раскраснелись. Такое и мне было в диковину.

– Феноменале! – воскликнул отец итальянского неореализма и записал что-то в свой блокнот.

Холера никак не кончалась. Через две недели мы наконец договорились, что итальянского героя будут звать Альберто, а русскую героиню Маша, и Дзаваттини объявил, что ему пора домой:

– Напиши ты, Данела. А я потом поправлю.

Он подарил мне два своих рисунка (во время работы он все время рисовал цветными мелками). И улетел.

Ружье, которое выстрелило

Я попросил Токареву мне помочь. Мы с ней записали сюжет, который нравился Калатозову, и сдали в Госкино.

И тут вдруг со скандалом снимают директора «Мосфильма»: Причина скандала – два года назад во время съемок фильма «Красная палатка» итальянцы подарили директору охотничье ружье. Все об этом знали (директор все время хвастался этим ружьем), но скандал почему-то понадобился сейчас.

Все наши начальники перепугались и, на всякий случай, заявили, что к новому итальянскому проекту режиссера Калатозова никакого отношения не имеют.

– Но вы же сами вызывали Дзаваттини! – опешил Калатозов. – Устраивали встречи, банкеты! Зачем?!

– В порядке культурного обмена, – заявили они.

От такой наглости у Калатозова стало плохо с сердцем, и он попал в больницу.

Проект заглох. И мы с Токаревой продолжили работу над «Гекльберри Финном». Только взяли разгон – звонок, вызывают в Госкино: работа над совместным фильмом возобновляется, итальянцы хотят, чтобы режиссером этой картины был я.

– Я?! А Калатозов?

– Михаил Константинович болен. Ну и возраст...

Я сказал, что снимать не буду.

– Почему?

– Потому что я стою в плане с «Гекльберри Финном».

– План не Библия, – сказали мне. – И не конституция. Его можно корректировать. В мае прилетит Сонего, сценарист, который обычно пишет сюжеты для Сорди, напишешь с ним сценарий, быстренько снимешь фильм, а потом запустим тебя с твоим «Гекльберри».

И я поехал к мастеру советоваться.

Верное сердце Брамса

- Я этот фильм ни за какие блага в мире снимать не буду! – сказал Калатозов.
 - И я не буду!
 - А вот вам, Гия, я не советую отказываться. Во-первых, для вас полезно поработать с западной группой. А во-вторых, с вас не слезут, пока не сделаете то, что они хотят.
- Михаил Константинович прошелся по комнате, достал с полки пластинку и спросил:
- «Верное сердце» Брамса. Помните?
- Помню.

Летом, еще когда мы работали с Дзаваттини, я как-то поехал к мастеру советоваться. Михаил Константинович сидел за столом и рассматривал в лупу пластинку с собачкой и граммофоном на этикетке. Держал он пластинку особым способом, большим пальцем за кромку, мизинцем за дырочку, чтобы не прикасаться рукой к поверхности. (Калатозов был страстным коллекционером пластинок.) Он усадил меня рядом, дал мне лупу и повернул пластинку ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.